

ПРЕЗУМПЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С ПРЕЗУМПЦИЕЙ ВИНЫ

Сорока Эмине Рустемовна

студент, Частное образовательное учреждение высшего образования Казанский
инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), РФ, г. Казань

GOOD FAITH PRESUMPTION AND ITS RELATION TO THE PRESUMPTION OF GUILT

Emine Soroka

Student, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEPM), Russia, Kazan

Аннотация. Актуальность статьи в том, чтобы провести параллель между презумпцией добросовестности и презумпцией вины, указать на общие моменты и установить важнейшие ориентиры поведения субъектов права, а также более широко применять меры гражданско-правовой защиты в случае недобросовестных либо неразумных действий участников оборота. В статье рассматривается теория этих презумпций в современном российском гражданском праве.

Abstract. The relevance of the article is to draw a parallel between the presumption of good faith and the presumption of guilt, point out common points and establish the most important guidelines for the behavior of subjects of law, as well as more widely apply civil protection measures in case of dishonest or unreasonable actions of participants in the turnover. The article discusses the theory of these presumptions in modern Russian civil law.

Ключевые слова: презумпции; добросовестность; вина; предположение; презюмирование.

Keywords: presumptions; conscientiousness; guilt; assumption; presuming.

Одной из важнейших новелл законодательства стало закрепление в [п. 3 ст. 1](#) ГК [1, с. 2778] принципа добросовестности. Категория «добросовестность» и ранее использовалась в [ГК](#), но ее действие было ограничено рамками [ст. 10](#) ГК, в которой устанавливалась презумпция добросовестности для тех случаев, когда закон ставит защиту для гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно. В связи с этим в [проекте](#) Концепции совершенствования общих положений ГК отмечалось: «Нормативное закрепление названного принципа позволит не только установить важнейшие ориентиры поведения субъектов права, но и более широко применять меры гражданско-правовой защиты в случае недобросовестных (а также и неразумных) действий участников оборота».

Основа добросовестности сформулирована в п. 3 ст. 1 ГК РФ как претензия к участникам гражданских отношений для действий добросовестного характера. При этом область действия данной основы изложена весьма широко и охватывает все действия участников гражданского

правооборота при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, также как и при исполнении гражданских обязанностей.

В науке гражданского права понятие добросовестности рассматривается в объективном и субъективном смысле. «Добрая совесть» в объективном смысле, по обозначению И.Б. Новицкого, это «известное внешнее мерило, которое принимается во внимание законом, судом, применяющим закон, и которое рекомендуется членам гражданского оборота в их взаимных сношениях друг с другом»[2,с.431]. Понятие добросовестности в субъективном смысле не имеет законодательного закрепления, так как оно имеет оценочный характер, а это затрудняет определение в законе четких условий добросовестного поведения.

Предполагается, что такие условия будут утверждаться судебной практикой, что позволит заполнить данное определение неабстрактным содержанием. В качестве примера можно привести Постановление Президиума ВАС РФ от 28 января 2014 г. N 13222/13 по делу N А40-107594/12-47-1003 [3,с.14], в котором суд разъяснил, в чем проявилось недобросовестное поведение должника: «В день уплаты денежных средств кредитор либо ограничен по времени в возможности использовать причитающиеся ему денежные средства, либо полностью лишен такой возможности (например, если денежные средства поступили в банк, обслуживающий кредитора, в конце рабочего дня). Следовательно, недобросовестное поведение должника вызывает неблагоприятные последствия для кредитора и ограничивает его права. Суды первой и апелляционной инстанций, по существу, освободили компанию от ответственности за недобросовестное поведение и ограничение гражданских прав общества, что противоречит основным началам гражданского законодательства (статья 1 Гражданского кодекса)».

«Добрая совесть» в субъективном смысле, по мнению М.М. Агаркова, «означает незнание лицом обстоятельств, препятствующих приобретению им того или иного права» [4,с.389]. Понятие добросовестности в субъективном смысле получило отображение в гражданском законодательстве в формуле «знало или должно было знать» либо «не знало или не могло знать». В тех случаях, когда законодатель использует данную формулу (см., например, п. 6 ст. 8.1, п. 1 ст. 145, п. 1 ст. 167, п. 3 ст. 253, п. 1 ст. 302, п. 2 ст. 382 ГК и др.), добросовестность участников гражданского оборота оценивается сквозь призму их знания об обстоятельствах, влияющих на правовые последствия.

12. В п. 4 ст. 1 ГК установлен запрет для всех участников гражданского оборота на извлечение преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения. Данный запрет следует рассматривать в качестве общей санкции за незаконное или недобросовестное поведение.

Так, в п. 2.2 Постановления Пленума ВАС РФ от 6 июня 2014 г. N 36 «О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства»[5,с.38] указывается: «Поскольку никто не вправе извлекать выгоду из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК РФ), кредитная организация вправе, помимо обращения к должнику, также потребовать возмещения ей соответствующей суммы от кредитора (в том числе по обязательным платежам), которому она перечислила деньги со счета должника, если он на момент получения денежных средств знал или должен был знать о введении в отношении должника процедуры банкротства».

ВС РФ в Определении от 15 сентября 2014 г. N 305-ЭС14-68 по делу N А40-33110/2013 [6,с.18] указал, что действия акционера по оспариванию договора поручительства в ситуации, когда, по сути, неплатежеспособный основной должник, в значительной части контролируемый этим же акционером, уже получил фотоаппаратуру и приборы без внесения оплаты, направлены на освобождение подконтрольного тому же акционеру и обладающему реальными активами общества «Фототехника - почтой» от исполнения договорных обязательств по обеспечительной сделке. Данные действия ВС РФ расценил как недобросовестное поведение, а интересы акционера - не подлежащими судебной защите в силу п. 4 ст. 1 ГК.

В других нормах ГК устанавливаются специальные последствия для лица, действовавшего недобросовестно: заявление о недействительности сделки лицом, действующим недобросовестно, не имеет правового значения (п. 5 ст. 166 ГК); собственник вправе истребовать имущество у недобросовестного приобретателя независимо от возмездности его приобретения (п. 1 ст. 302 ГК) и др.

В п. 5 ст. 1 ГК воспроизводится положение Конституции РФ [7,с.4398], гарантирующее свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств (п. 1 ст. 8). Свобода перемещения товаров, услуг и финансовых средств имеет важное значение для функционирования и развития имущественного оборота в условиях федеративного государства, так как обеспечивает единство экономического пространства страны. Введение ограничений возможно только на основании федерального закона в целях обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей. В частности, такого рода ограничения содержатся в Законе о защите конкуренции, о чем указывается в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июня 2008 г. N 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» [8,с.137]: «К нормам ГК РФ, на которых основано антимонопольное законодательство, относится, в частности, статья 1 ГК РФ, которой установлен запрет на ограничение гражданских прав и свободы перемещения товаров, кроме случаев, когда такое ограничение вводится федеральным законом (при этом к числу законов, вводящих соответствующие ограничения, относится и Закон о защите конкуренции)».

Термин «презумпция вины» общепринятый для юридической теории и практики. Существует многообразие формулировок понятия «презумпция» в юридической науке, по результатам анализа которых можно сделать выводы, что в большей части своей они фиксируют такой признак презумпции, как «вероятное предположение», и содержат указание на правовое закрепление. Иначе говоря, родовым признаком правовой презумпции является категория «предположение, закрепленное в законе».

Необходимо, однако, отметить, что в последних разработках теории правовых презумпций ставится под сомнение наделение юридических презумпций таким родовым признаком, как предположение. В частности, утверждается, что «определение презумпции через ключевое слово «предположение» не может быть принято для отражения правовой сущности презумпций. Не меняется принципиально суть дела и в тех случаях, когда ведут речь о правовой презумпции как предположении, закрепленном в норме права. Правовая оформленность явления не снимает вопроса о его правовой природе... Поиск правовой сущности презумпции должен заключаться в оценке не самого предположения как такового, а результата предположения, той юридической конструкции, которая призвана решать конкретные правовые задачи».

Однако такие представления о презумпции в целом не выходят за границы презумптивной нормы. Процесс презюмирования охватывает и функции, которые выполняет правовое предположение. Прежде всего внимание обращается на то, что презумпции выполняют доказательственную функцию. Так, В.И. Каминская считала презумпцию положением, «которым какой-либо порядок явлений в области отношений, возникающих из человеческого поведения, признается обычным, постоянным, нормативным и не требующим, в силу этого, специальных доказательств». В.П. Воложанин юридическое предположение понимал как предположение, освобождающее сторону от доказывания какого-либо факта при доказанности других фактов, поскольку между ними (т.е. фактом, освобожденным от доказывания, и фактами, уже доказанными) существует причинная связь, проверенная и подтвержденная прошедшим опытом, практикой. Наличие у презумпций доказательственной функции содержится и в дефинициях, содержащихся в исследованиях последних лет: «Правовая презумпция - это закрепленный в норме права вероятностный вывод о факте, который принимается судом без процедуры доказывания, в случае установления связанного с ним факта (факта-основания) и неопровержения путем доказывания иного факта».

Презумпции выполняют и такие функции, как признание и защита интереса: «Например, презумпция права собственности владельца движимой вещи ориентирована на признание интереса лица, владеющего вещью. Указанная презумпция призвана выполнять и соответствующую функцию. Презумпция добросовестности лица в первую очередь ориентирована на беспрепятственную реализацию его интереса, а презумпция вины в деликатных правоотношениях - на обеспечение интереса потерпевшего (одновременно создавая предпосылки для его эффективной защиты)». Как видим, каждая конкретная презумпция обладает одной из функций, которая является для нее доминирующей.

Презюмирование вины не только обеспечивает интересы потерпевшего, но и распределяет

бремя доказывания вины, значительно упрощает гражданский процесс по делам о привлечении к гражданско-правовой ответственности.

Презюмирование вины является существенной чертой именно гражданского права, отличающей его от публично-правовых отраслей права. Презумпцию невиновности нередко называют принципом уголовного права, поскольку она отражает фундаментальные руководящие начала всего уголовно-правового регулирования.

О презумпции вины как о принципе права упоминают в научных исследованиях. Так, А.А. Андреев пишет, что «в гражданском праве действует принцип презумпции виновности, суть которого состоит в том, что бремя доказывания отсутствия своей вины, когда ее наличие является необходимым основанием ответственности, возлагается на лицо, допустившее правонарушение». Э.П. Гаврилов прямо указывает на то, что именно в ст. 401 ГК РФ содержится гражданско-правовой принцип презумпции вины: «Большое значение имеет и норма п. 2 ст. 401 ГК РФ: "Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство». В этой норме выражен еще один важнейший принцип гражданского права - принцип «презумпции виновности».

И судебно-арбитражная практика использует термин «принцип презумпции вины». Так суд, рассматривая спор о взыскании в порядке суброгации ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, отметил следующее: «Довод ответчика о недоказанности вины его страхователя (водителя автомобиля ВАЗ) в ДТП, поскольку в возбуждении дела об административном правонарушении было отказано в связи с отсутствием состава административного правонарушения, отклоняется, как основанный ошибочном толковании норм материального (гражданского права), так как факт отсутствия состава административного правонарушения (при наличии в административном праве презумпции невиновности) не означает отсутствия состава гражданского правонарушения (при действующем в гражданском законодательстве принципе презумпции виновности)».

На наш взгляд, презюмирование вины может быть признано принципом гражданского права, система которых в настоящий момент нуждается в некотором обновлении. Предположение о вине отличает гражданско-правовое регулирование отношений еще со времен римского права.

Презюмирование вины - это процесс закрепления предположения о вине в правовой норме, это сама (статичная) норма-презумпция; это процесс реализации предположения о вине, в том числе обязанность суда признать предполагаемый факт установленным.

При этом норма - презумпция вины является закрепленным в правовой норме высоковероятностным предположением, основанным на повторяемости виновности лица в гражданских правонарушениях.

Презумпцию вины, наряду с иными правовыми презумпциями, рассматривают с различных позиций: как норму права, как предположение, как метод регулирования, как средство регулирования, как юридический факт, как средство толкования, как обязанность правоприменителя и проч. При таком наличии разнопорядковых аспектов теряется истинная, самостоятельная сущность и ценность презумпции вины как высоковероятностного предположения, зафиксировано в норме права.

Поэтому, на наш взгляд, следует различать категории понятий как «презумпция» и «презюмирование». При привлечении к гражданско-правовой ответственности, безусловно, реализуется норма - презумпция вины, но она не тождественна этому процессу. В зависимости от значимости и важности презюмирования вины для гражданско-правового регулирования может быть поставлен вопрос о признании его принципом гражданского права.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022)// Собрание законодательства РФ.-1994.- N 85.- С. 2778.
2. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отдел. экон. и права.- 1946.- N 6.- С. 431.
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 28 января 2014 г. N 13222/13 по делу N А40-107594/12-47-1003 //Вестник ВАС РФ. -2014. -N 6.
4. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отдел. экон. и права.- 1946.- N 6.- С. 389.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июня 2008 г. N 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» (ред. от 14 октября 2010 г.) //Вестник ВАС РФ.- 2008.- N 8.
6. Определение от 15 сентября 2014 г. N 305-ЭС14-68 по делу N А40-33110/2013 //СПС «КонсультантПлюс».
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993)// Собрании законодательства РФ.-2014.- N 31.- С. 4398.
8. Постановление Пленума ВАС понятие РФ от 30 июня 2008 г. N 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» (ред. от 14 октября 2010 г.) //Вестник ВАС РФ.- 2008.- N 8.